Издавна со словом *золотой* в русском языке связывалось много прекрасных понятий. Вспомним хотя бы «золотое (мудрое) слово» князя Святослава, «со слезами смешанное» (Слово о полку Игореве); Золотые (главные) ворота в Киеве и Владимире; сочетание *золотые руки*. Очевидно, эта эмоциональная нагрузка слова долго мешала упрочению обозначения «злогорькой той варварской власти» словосочетанием со словом *золотой*.

Не случайно в XVIII веке историк В. Н. Татищев нигде не пользуется термином Золотая орда для обозначения державы Батыя (см.: История Российская. Т. III, глава «Нашествие Батыево»). Но это не мешает тому же В. Н. Татищеву-географу использовать данное сочетание в «Избранных трудах по географии России» в 1737 году: «О званьях. Како древние звания тех мест напред сего именованы было, например, Киевская имянуется доднесь Малая Русь, Московская и Смоленская, за едино Белая Русь... Рижская и Ревельская имяновали варяги, Казанская болгары, Астраханская, Ногайская именованы были и Золотая орда» (М., 1950).

Вот еще примеры XVIII века: «Неумолковъ. Мы происходимъ прямо

ГОРЫ РУССКИЕ И АМЕРИКАНСКИЕ

Веселым, розовощеким катанием с гор сопровождались зимние гулянья в старой России. Помните у Чехова в рассказе «Шуточка»: «Ясный, зимний полдень... Мы стоим на высокой горе. От наших ног до самой земли тянется покатая плоскость, в которую солнце глядится, как в зеркало. Возле нас маленькие санки, обитые ярко-красным сукном».

В воспоминаниях Д. И. Ульянова находим: «Зимой на Свияге устраивались общественный каток и высокие ледяные горы». В деревнях и одноэтажных городах ледяными горами становились естественные спуски. В городах покрупнее строили деревянные «ледяные горы». Лучшие архитекторы возводили в загородных царских резиденциях (в Царском Селе, Ораниенбауме и других местах) «катальные горки». Наконец, век электричества привел за собой так называемые «американские горы».

Они появились в нашей стране в конце XIX века. Вместо рогожек и санок по рельсам, проложенным по крутым подъемам и спускам, мчались электрифицированные тележки. Зимний вид развлечения стал круглогодичным. Прежние нехитрые сооружения, создаваемые не столько человеческими руками, сколько природой, превратились в доходные предприятия.

«Насколько я знаю,— писал известный в свое время специалист по организации гуляний и аттракционов А. Алексеев-Яковлев (Русские народные гулянья... Л., 1948),— первые такие горы были построены в Нижнем Новгороде на территории Всероссийской выставки 1896 года... Лучшие „американские“ горы были сооружены несколько лет спустя в Петербурге». В советское время эти горы были заново отстроены (и торжественно открыты 17 мая 1934 года). В годы блокады они сгорели; как сообщила газета «Вечерний Ленинград», в городе на Неве предполагается построить новые американские горы.

Свое название этот аттракцион получил, скорее всего, по соображениям коммерции. См. у того же А. Алексеева-Яковлева: «Такие горы почему-то — вероятно, рекламы ради — именовались у нас американскими, хотя за границей носили большей частью название русских». Мысль о рекламно-завлекательном характере такого названия проскальзывает и у В. Маяковского: «Парам

отъ вышедшихъ изъ золотои орды мурзъ» (Лукин. Пустомеля. 1765); «Насадители сихъ деревъ были татара, которые жительствовали въ сеи степи и подъ именемъ Золотой орды были извѣстны» (Лепехин. Путешествие. Т. I. 1771); «Въ то время, как потомки Чингисовы, царствуя в Дашта-Кипчакѣ (что Российские летописи называют Золотою ордою) владычество свое простерли на разделенную Россию на уделы» (Радищев. Сокращенное повествование о приобретении Сибири); «Тугаринъ. Речитативъ: Царь Казанской, Астраханской, Чипчатской золотой орды Всемощный повелитель, Друг солнчевъ, братъ луны» (Державин. Добрыня. 1808).

Ясно, что и в XVIII веке термин Золотая орда продолжал еще связываться с понятием географическим, иногда даже и этнографическим. Юридического, политического аспекта у него еще не было.

Формирование исторического термина Золотая орда на протяжении XIX—XX веков и его судьба в русской и западноевропейской исторической литературе могут и должны быть предметом особого исследования.

Г. А. БОГАТОВА

победнее — многоместный автобус „Кони-Айланд"— Остров увеселений. После долгой езды вы попадаете в *сплошные русские* (у нас американские) горы...— и все это в электричестве» (Мое открытие Америки).

Нет сомнения, что термин *американские горы* — принадлежность нашего языка: он отмечен в нескольких крупных советских толковых словарях русского языка, а также в ряде русско-иноязычных словарей. Этот термин находим в специализированных изданиях и в массовых газетах 20—30-х годов (журнал «Клуб», газеты «Ленинградская правда», «Красная газета» и др.), встречаем в художественных произведениях послевоенной поры: «Мы не ездили на острова и на взморье и не катались с американских гор. Мы вообще мало гуляли» (Чаковский. Это было в Ленинграде).

Американские горы, появившиеся в России на стыке XIX—XX веков, оказались той реалией, раннюю историю которой, а также историю соответствующего названия восстановить оказалось весьма трудно, потому что соответствующие публикации и устные показания старожилов относятся к более позднему времени. Это заставляет нас утверждать, что в начале 20-х годов терминологическое сочетание *американские горы* у ж е было фактом русского литературного языка: «Все эти перекидные качели, все эти прыгающие лестницы и бесконечно бегущие дорожки и американские горы — все они не вырабатывают и малодобротного суррогата счастья» (Федин. Города и годы. 1923—1924).

20—30-е годы дают и примеры образного употребления термина.

Так
летит,
летит
германская марка
с долларных
американских гор.
Маяковский. Уже! (1923)

«Взгляните на любой склад [материалов], и вы увидите, какие американские горы там выросли» («Красный Треугольник», 2 августа 1932). Как видим, в образной речи «обыгрывалась» наиболее бросающаяся в глаза сторона реалии — высота, грандиозность сооружения (в Ленинграде вагонетки поднимались на уровень Зимнего дворца, за границей — еще выше).

Метафорическое употребление термина *американские горы* зависело и зависит от индивидуального умения

О Титах, Титах Титычах и Титовых детях

Причудлива судьба собственного имени в языке. При имени Тит (греческое — 'почтенный') вспоминаешь лентяя Тита из русских пословиц да самодура Тита Титыча из комедии А. Островского. А был ли Тит действительно «почтенным»?

В 1785 году Я. Княжнин по заказу Екатерины II написал трагедию «Титово милосердие», где в образе добродетельного римского императора Тита был изображен мудрый и просвещенный правитель. Европейские писатели и ученые не раз использовали историю Тита для прославления современных им монархов; трагедия Княжнина была переводом-переделкой. Екатерина приняла «Титово милосердие» благосклонно, потому что в пьесе, по ее мнению, можно было увидеть «изображение Тита как совершенное подобие ангельской души ее». Тит у Княжнина — абстрактный идеальный монарх-правдолюбец, враг роскоши, враг тюрем и смертных казней, друг народа:

Отечества отца
Дражайше нареченье,
Есть Титова венца
Верховно украшенье.

Имя *Тит* сделалось нарицательным и им даже стали пользоваться как синонимом слова *император*. При этом каждый мог вкладывать в слово *Тит* свое содержание. Одни применяли его как нейтральное, другие, предполагая высокий смысл слова, наполняли его революционным содержанием. Так, Л. Толстой, рисуя чествования Багратиона, отметил традицию панегирика в стихах, которые читались в честь героя:

Славь тако Александра век
И охраняй нам Тита на престоле.
Будь купно вождь и добрый человек,
Рифей отечества и Цесарь в бранном поле.

Война и мир

Но для революционера А. Радищева, считавшего, что «государь есть первый гражданин народного общества», имя *Тит* обозначало «услаждение рода смертных», о чем он писал в «Исторической песне»:

Тит, зри!
Как течет ко всем на помощь,
Если жизнь кто спас лишь в бедстве,
Тот блаженствует лишь Титом.

образно мыслить, а не от признания за термином устойчивого переносного значения.

Широкое (иногда даже экспрессивное) использование терминологического сочетания *американские горы* принадлежит прошлому. Послевоенное поколение знает об этом аттракционе понаслышке. Возвращение термина в активный речевой обиход зависит от восстановления соответствующей реалии; в противном случае он станет в нашем языке историзмом.

Г. П. РУБЕЖОВА